

20 АПР 1988

Литературная газета
г. Москва

ИСКУССТВО

ПОСЛЕДНЯЯ
РОЛЬ
БАБАНОВОЙ

вступает нечто простое, мудрое и, уместно заметить, мужественное. Будто нарочно околдовывая слушателей красотами уайльдовских описаний, Бабанова одновременно способна отрезвить любого сегодняшнего эстета — она ведет свой, беспощадный анализ чужого ей мира и чужой души.

Роман Уайльда — о страстях. О влюбленности молодого эгоиста в

МНЕ ХОТЕЛОСЬ бы во всех подробностях рассмотреть этот необычный радиоспектакль — «Портрет Дориана Грея» по роману Оскара Уайльда (инсценировка В. Славкина, режиссер А. Васильев). Но сейчас одна роль, один голос заслоняют собой все остальное. И потому остальное — потом. Случилось так, что участие в этом спектакле Марии Ивановны Бабановой стало ее последней актерской работой.

Сюжет романа Уайльда известен, мораль — тоже, имя героя стало нарицательным. Но вот голос Бабановой вступает в свои права, и в течение двух часов мы сидим завороженные. Спектакль (это важно!) поставлен не «для всех», а для тех, кто умеет и любит слушать не торопясь. Тут слушаешь не только содержание, сюжет, но музыку человеческой речи — не обиденно-разговорной, но той, которую при наличии нескольких го-

лосов и общей виртуозной разработки можно сравнить с музыкальной полифонией.

Многие десятилетия голос Бабановой звучал по радио, будто отделившись от реальной актерской судьбы и возраста. Он вступал в наши будни и преображал их, обострял наш слух, совершал свою работу над воображением детей и взрослых. Этот голос сравнивали с серебряным колокольчиком, удивлялись и восхищались его мелодичным звучанием. В нем действительно было неправдоподобное: Бабанова, казалось, высвобождала из плена материи то, что нельзя потрогать руками, — музыку, поэзию, душу. И мы благодаря Бабановой знали, что вечный опыт любви может звучать в простейшей песенке Тани. Мы знали, как смеется Хозяйка Медной горы, и верили, что к нам, а потом к нашим детям во сне является Оле Лукойе.

Что сыграла Бабанова в «Портрете Дориана Грея»? Сразу не скажешь. Роль «от автора»? Да, кажется, это так называется. Но Бабанова не комментирует и не поясняет сюжет. Обычной для подобной роли отстраненности ее голос придает более глубокий смысл и философскую окраску. Он звучит самостоятельно и как бы отдельно — и от Уайльда, и от истории Дориана Грея, при том, что именно Бабанова знает глубинную подоплеку этой истории и живописует ее тончайшие детали. В этом голосе есть все — и наблюдательность знатока-коллекционера, рассматривающего изысканные подробности интерьеров и антиквариата, но вместе с тем и ирония человека, свободного от власти этой вещественной, столь важной Уайльду красоты. В этом голосе — не женская (и уж, конечно, не мужская) мудрость опыта, и какая-то вечная, вневременная горечь знания, и предупреждение нам, и еще многое, чему трудно найти название. В чуть старомодный, чуть салонный, изысканный литературный стиль

свою красоту, о страсти к творчеству, о коварном желании человека остаться лишь зрителем — созерцать, но не участвовать, брать, но не платить — этому учит Дориана Грея лорд Генри Уоттен. К итогу спектакля режиссер А. Васильев ведет исполнителей, наставляя на особую меру объективности и, если можно так сказать, поэтической обстоятельности. Не только для В. Бочкарева, А. Грачева, О. Дзисько, но и для такого опытного мастера, как И. Смоктуновский, такая работа была, несомненно, школой — школой проникновения в особую стилистическую природу, школой не обычного «общения», не бытового правдоподобия, а иного, музыкального чувства партнера и спектакля в целом.

Но эту общую музыку, вплетаясь в нее и оставаясь где-то над ней, определяет собой голос Бабановой. Он — прекрасный, но в нем неведомая ранее, подчеркнутая отчетливость и печаль. Никакой сентиментальности. Никакой слащавости и «салона». Жесткости, пожалуй, больше, чем у автора. Но, может быть, оттого и роман звучит так современно.

Трудно ответить на вопрос, как и когда рождается искусство. Гораздо легче объяснить, почему и когда оно не возникает. Все же — когда, как? Я не задавала бы себе этих вопросов, если бы в студии звукозаписи случайно не увидела коробки с пленками. Их было шесть. Каждая — примерно 40 минут звучания. Это — пробы, репетиции, варианты одной роли, занявшей не более 20 минут «эфирного» времени. Огромный, неправдоподобный по тщательности труд — вот что такое последняя роль Бабановой.

Нельзя никого научить чуду великого таланта. Но можно благодарно склониться перед творческой энергией художника, волшебному дару которого были свидетелями люди многих поколений.

Наталья КРЫМОВА

